

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ*

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой картины мира жителей Вологодского края, в частности, особенностям вербализации их представлений о здоровье и болезни. Материалом для наблюдений служат этнографические и лексикографические работы начала XX века (М. К. Герасимов, П. А. Дилакторский), опубликованные выпуски и картотека «Словаря вологодских говоров», включающие в себя записи речи с 60-х годов XX века, ответы на вопросы по программе «Народная медицина» Лексического атласа русских народных говоров, сделанные в конце XX — начале XXI века, а также данные опросов пациентов сельских учреждений здравоохранения последних лет. В результате делаются выводы о динамике представлений о здоровом и больном человеке, выявляются устойчивые показатели здоровья как одной из базовых ценностей в картине мира севернорусского крестьянина, выявляются различия в вербализации представлений о болезни: о составе болезней, причине их появления, средствах и способах лечения.

Ключевые слова: диалектология, вологодские говоры, языковая картина мира.

Языковая картина мира — «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности»¹ — исследуется в российском языковедении на материале различных функциональных разновидностей национального языка, в том числе и на материале территориальных диалектов. Понятие диалектной языковой картины мира

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

¹Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 9.

активно обсуждается в работах отечественных диалектологов² с точки зрения особенностей вербализации ментальных объектов, специфики выражения в диалектной речи различного рода оценок, репрезентации системы действий, характерных для носителя говора. Одну из наиболее существенных ценностей в диалектной языковой картине мира составляет *здоровье*, вследствие чего исследованию ментальной оппозиции «здоровье — болезнь» посвящены исследования многих российских ученых³. Метафорические модели, репрезентирующие здоровье в русском языке, ориентируются на представления о жизненной силе и крепости, целостности, неповрежденности формы, готовности к выполнению биологических и социальных функций. Здоровье мыслится как измеряемая аксиологическая субстанция. Это признак гармонии души и тела, источник наслаждения, счастья и блаженства, это фундамент счастья и могущества, залог победы в битве и материального благополучия, здоровье — сокровище, особая ценность которого ощущается именно тогда, когда оно утрачивается. Болезнь — это, наоборот, признак слабости, утраты жизненных сил, потери благополучия во всех сферах жизни, стихийное бедствие или хитрый враг.

Лексика и фразеология народной медицины — уникальный материал для характеристики языковой картины мира жителей Русского Севера. С одной стороны, здесь консервируются древнейшие славянские представления о сущности болезни, средствах и способах ее лечения или профилактики.

²Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998; Букринская И. А., Кармакова О. Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей. К 70-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук. М., 1998. С. 5–14; Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. Екатеринбург, 2007; др.

³Тимошенко Л. О. Скалярно-антонимический комплекс концепта «здоровье» в русском и английском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 190 с.; Петкау А. Ю. Ольфакторный образ концепта «здоровье» в русском языковом сознании // Уральский филологический вестник. Психолингвистика в образовании, 2013, 4; др.

Эти представления имеют межнациональный характер и реализуются в типовых синтаксических конструкциях (например, неопределенно-личных, предполагающих чей-то злой умысел: *избереж́али, изурóчили, насаж́али кил, об́аяли, обурóчили, оговор́или, озéпали, озыч́али, оприкóсили, опризóрили* и др.). С другой стороны, эти древнейшие представления особым образом конкретизируются на севернорусском материале, в чем убеждает анализ лексики диалектных словарей и обращение к выводам уже существующих диалектологических исследований по народной медицине⁴. Различия наблюдаются в лексическом составе названий болезней, действий, сопровождающих их течение, в характеристике средств и способов лечения, а также в некоторых других аспектах. На материале севернорусских говоров территорий современной Вологодской области эта проблематика также была предметом обсуждения в публикациях различной временной отнесенности.

Одним из первых исследователей проблем соотношения здоровья и болезни в языковом сознании жителей Русского Севера был Михаил Кондратьевич Герасимов. Его этнографические очерки и особенно «Словарь Череповецкого уездного говора» (СЧГ) содержат многочисленные названия болезней, подробное описание их симптоматики, причин появления, средств и способов болезни. Лексика и фразеология народной медицины в говорах вологодской группы этого периода достаточно полно представлена в «Словаре областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского (Дил.), хотя, в силу специфики образования авторов этих словарей, в первом из них она дается более обстоятельно и точно.

⁴Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. М., 1969. С. 158–172; Меркулова В. А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 143–206; Ганцовская Н. С., Лебедева И. В., Никулина Т. Е. Лексика по теме «Народная медицина. Болезни» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992. СПб., 1994. С. 121–127; Проценко Б. Н. Лексика медицинских заговоров и оберегов и картотека ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. СПб., 2001. С. 87–94; др.

Среди общих названий болезни фиксируются следующие слова: *боль, болѣзнь, бѣлѣсть, болятѣк, недѣг, недѣжина, нездорѣвье, немогутѣ, нѣмочь, хворостѣбѣ, хворь, хиль, хирь, хиря, худобѣ*. Большинство этих существительных образовано от глаголов с соответствующим значением: *болеть* — *болѣзнь*; *хворать* — *хворь, хворость, хворостѣба*; *хилеть* — *хиль*; *хиреть* — *хирь, хиря* и др. Кроме того, отмечены приставочные образования, построенные по контрастному принципу: *сила* — отсутствие силы (*мочь* — *немочь, могутѣ* — *немогутѣ, здоровье* — *нездоровье, *дуг* ‘сила’ (ср.: *дужий*) — *недуг*).

Симптоматика различных заболеваний обозначается устойчивыми синтаксическими структурами, либо включающими в себя наименование больного органа как вместилища болезни (*зуб ноет, горло болит*), либо безличными конструкциями с употреблением различных глаголов физического действия (*сердце колет, поясницу разломило*), либо неопределенно-личными конструкциями, когда причиной заболевания предполагается чей-то злой умысел (*оговорили, изурочили*). Как отмечает В. А. Меркулова⁵, эти структуры, глубоко архаичные и связанные с древнейшей демонологической сферой, сохраняют устойчивость и в современных русских говорах. Исследуемые нами источники также содержат большое количество примеров каждой из перечисленных структур: *глотѣло болит* ‘этим сочетанием объясняют все болезни горла и зева’ (СЧГ: 33), *лицо и утроба сбыло* ‘говорят при водяночном отеке’ (СЧГ: 52), *глаза распахнулись* ‘о болезни глаз’ (СЧГ: 78), *обурочили* («*Бывает, когда лицемерно, с заднею мыслию похвалят или зло, сердито посмотрят на человека или на животное, больной лишается аппетита, делается скучным, невеселым и худеет с тела. Его обурочили*» (Дил., 3: 2)), причем наиболее употребительными и разнообразными оказываются безличные конструкции: *бушит в головѣ* ‘о состоянии головокружения’ (СЧГ: 23), *вздѣхи затеснило* ‘о затруднении дыхания’ (СЧГ: 29) *волочѣт*

⁵Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. М., 1969. С. 158.

в двóйку ‘объяснение болезненного состояния, при котором можно лежать, только согнувши ноги в коленях и прижав их к животу’ (СЧГ: 30), *грязи захвати́ло* ‘остановка послеродовых очищений’ (СЧГ: 32), *ко́жу отсоча́ет* ‘при лихорадке, ознобе ощущение, как будто кожу на теле отдирает’ (СЧГ: 48), *му́лит на животе́* ‘вертит, перебирает’ (СЧГ: 56), *на отса́д сади́т го́лову* ‘определение острой степени головной боли’ (СЧГ: 60), *смя́гнуть, насмя́гло* ‘о неприятном ощущении во рту во время болезни’ (СЧГ: 80), *стро́жет в глазу́* ‘об ощущении боли при образовании язвы роговой оболочки’ (СЧГ: 83), *ту́ском заволокло́ глаза́* ‘о потере зрения’ (СЧГ: 86), *трё́щит* ‘ноет, дергает’ (СЧГ: 87) и др.

Названия болезней, по мнению В. А. Меркуловой⁶, можно разделить на несколько лексических групп. Их выделение во многом определяется народными представлениями о здоровье и болезни, ярко характеризую естественную природу, прагматичность и традиционность языковой картины мира жителя Русского Севера.

1. Повальная болезнь, эпидемия, именуется в ранних памятниках вологодской областной лексикографии как *лету́ха*, *лету́чка*, *мор*, *перебиру́ха*, *пове́трие*, *пове́тёрье*, *пошоу́ра*. Большинство этих слов образовано от глаголов со значением движения (*лете́ть* — *лету́ха*, *лету́чка*, *перебира́ть* — *перебиру́ха*, *поша́вать* — *поша́ва*, *пошоу́ра*(?)). К этой группе примыкают слова с корнем *-ветер-* // *-ветр-* (*пове́трие*, *пове́тёрье*), так как ветер (движение воздуха), по поверью, может принести заболевание. М. К. Герасимов отмечает, что повальное распространение болезни называется еще глаголом *рассеверила́сь* (СЧГ: 76), внутренняя форма которого (*распространилась по всему Северу*) актуальна для языкового сознания севернорусского человека. Для прекращения повальной болезни, по свидетельству М. К. Герасимова, использовался ряд целительских манипуляций: *держáть топóр в загнётке* ‘предохранительное средство при эпидемии’ (СЧГ: 87), *навёшивание замка́ на дверну́ю скóбку* ‘для ограждения от эпиде-

⁶Там же, с. 159.

мии оспы' (СЧГ: 60), *выти́рание огня* 'для прекращения повальной болезни достают «живой огонь» трением бревна о бревно' (СЧГ: 30), *переска́кивать и перета́скивать через огонь* 'во время эпидемий больных перетаскивают через «живой огонь», а здоровые перескакивают сами' (СЧГ: 73), *прота́скивать сквозь ду́пло дере́ва или ступе́ни сквозно́й ле́стницы* (СЧГ: 73). Эти манипуляции отражают древнейшие мифологические представления о защитной функции «живого» огня и священных деревьев⁷.

2. Богатым лексическим материалом представлены названия болезней, недомоганий и травм, возникающих в результате злого умысла: *доспе́шка, напу́щенная зябелъ, оговóр, озéп, óзык, повре́да, поглум, призо́р, прико́с, притка, по́рча сгла́з, тра́та, урóк*. Многие из этих отглагольных имен отражают древнейшие представления о магическом воздействии слова, взгляда или прикосновения: *озы́кать, озыча́ть — óзык, призо́рить, опризо́рить — призо́р, прико́сить, оприко́сить — прико́с*. Механизм воздействия на человека в результате таких действий подробно описывается источниками: «*Бывает, когда лицемерно, с заднею мыслию похвалят или зло, сердито посмотрят на человека или на животное, больной лишается аппетита, делается скучным, невесёлым и худеет с тела. Его обурочили*» (Дил., 3: 2). Большинство названий связано с глаголами физического действия, последствия которого могут быть вредоносными: *повре́дить — повре́да, прико́сить — прико́с, доспе́ться — доспе́шка, поглуми́ться — поглум: «Доспешка. Болезни, наступившие внезапно, а также травматические повреждения. Все эти случаи приписываются действию «нечистой силы». Вдруг человек сломал или подвинул ногу — говорят: «Это доспешка, не лечи, а поезжай к знахарям». Или сразу отнялась поясница, например, при ревматизме поясничных мышц, — окружающие решают, что это ему «доспелось», а в уме про себя прибавляют «от нечистого»* (СЧГ: 35). При этом причина появления болезни конкретизируется по-разному. Так, например, *веред́ить* (Дил., 1: 39) или *урóчить* (Дил., 2: 5) обозна-

⁷Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 159, 285.

чают достаточно широкий диапазон действий. Другие глаголы называют более конкретные действия: *извереж́ать* ‘повредить, изувечить’ (Дил., 2: 2), *озы́кать, озыча́ть* ‘навести порчу наговором’ (Дил., 3: 14), *призо́рить, опризо́рить* ‘навести порчу взглядом’ (СЧГ: 72). Следует заметить, что в значении «навести (наводить) порчу» чаще используются глаголы речевого воздействия: *озы́кать, озыча́ть, урочи́ть, обурочи́ть* (ср. также: *обб́аять, оговори́ть, озéпать*⁸). Это свидетельствует о том, что в представлениях о магических действиях, служащих причиной болезней, наиболее сильным представлялось воздействие словом.

3. Особую группу составляют наименования различных болезней, сопровождающихся изменениями кожного покрова. Как отмечает В. А. Меркулова⁹, эта группа довольно многочисленна в русских говорах. Во-первых она включает в себя народные названия кожных заболеваний (*зуд, чёс, чесотка, очёс, почесуха, почесу́ля, почесу́лька, почесу́ня, почесу́нька, нуд, нуди́ще, свербе́жь, своро́б, своро́бь, своробо́к, своро́бость, короста, парши́, лишáй, хру́ны, стру́п, леменá* и др.). Во многих из них актуализирован признак кожной болезни, вызывающей сильный зуд: это отглагольные образования с корнями *-чес-* и *-сверб-/-свороб-*. Среди наименований сухих поверхностей на заживающей коже (*короста, стру́п, хру́на*) особый интерес вызывает слово *хру́на*, употребляемое в данном значении только в северо-восточных говорах (влгд., яросл., вятск.). Сопоставление этого слова с южно-русскими *хру́ни, хру́ны, хруньё* ‘тряпки, лохмотья, рваньё’, *хри́да* ‘человек грязный, мокрый’, *хри́стать* ‘скоблить’ и с диалектными образованиями других славянских языков (укр. *риня́вий* ‘струпистый, шелудивый’, серб. **xrudǔ* ‘изогнутый’ и др.) позволяет В. А. Меркуловой связать образование этого слова с праславянским **xryditi* ‘скоблить’ и другими словами с корнем **(s)ker*, **(s)kerē* ‘резать’, а также выявить в севернорусских и южнорус-

⁸Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. М., 1969. С. 159.

⁹Там же, с. 159–160.

ских говорах два самостоятельных варианта развития семантики слова *хру́на*: 'драть, рвать' → а) 'рваньё, тряпки' (юж.); б) 'короста, болячка' (сев.)¹⁰. К данной группе слов примыкают наименования различных образований на коже. '**Чирей, нарыв, прыщ**': *болято́к, боля́чка, ве́ред, вздро́чиш, гноева́тик, гнойни́к, гнои́ще, ка́мчуг, коро́стинка, пупырёк, пупы́ш, пупышо́к, пупы́рь, типу́н, чы́рей, кы́лы* (каменные, кожаные, годовалые), *неду́жницы, нату́жницы, ночни́к, ночной щипо́к* (водяной прыщ, появляющийся ночью). '**Опухоль**': *балды́рь, болонá болонó, булды́рь, булы́шка, волды́рь, ворогу́ша, желва́к, желвь, жольвь, желно́, о́тёк, могильная ко́сточка* 'опухоль на суставе', *песья́к* 'опухоль на глазу'. '**Синяк**': *синевы́ца*. '**Бородавка**': *борода́шка, борода́вица*. В образовании этих названий актуализируются болезненное состояние человека (*болято́к, боля́чка, недужница*), причина появления образований (*ночной щипо́к, нату́жница*), время их появления (*ночни́к*), цвет (*синевы́ца*), наличие отделяемого (*гноини́к, гноева́тик, гнои́ще*), форма (*боркунёц* — ср.: *боркунёц* 'шарообразный колокольчик' (СВГ, 1: 39) и др). Особое место в этой группе занимает слово *кы́ла*. В вологодских говорах этим словом именуются различные воспалительные опухоли и нарывы на различных частях тела, по суеверным представлениям, появляющиеся в результате чьего-либо злого умысла: «*Возле íхнего до́ма не́пошто болта́ться. Кил насажа́ют, дак и му́чайся потóм! Поше́пчет Некра́сиха, дак, поди, кыл-то и наса́дит*» (Кир. Борб.).

Особые целительские манипуляции совершались при лечении *во́лоса*. Этим словом именовались «*свищи, холодные нарывы, костоеда с сильным отделением гноя, где и предполагались животные, едва видимые глазом, в форме волоса*» (СЧГ: 26). Причинами появления волоса считались как неблагоприятные воздействия внешней среды при общем ослаблении организма («*Болезнь лошадей, когда она долго стоит в грязи и назьму, то в ноги её приникают червяки, имеющие вид волоса*» (Дил., 1: 5), так и насылание

¹⁰Меркулова В. А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 193–195.

порчи. Лечение этой болезни осуществлялось следующим образом: «Волос гнать «способ знахарей: при костоеде, свищах опускают больную руку или ногу в ведро с теплым щелоком, укрывают, и волос идёт» (СЧГ: 30). Зооморфные представления о болезни¹¹ отразились и в других целительских манипуляциях, например, *колóть жáбку* ‘способ лечения воспаления языка, при котором снаружи к горлу прикасаются гвоздем, веретном или прутиком с особым заговором’ (СЧГ: 49).

Вторую важную часть данной группы названий составляют наименования эпидемических заболеваний, при которых происходит изменение кожного покрова (*бспа, вбспа, вбспница, сыпь, ветреница, ветрянка, летучий огонь, корь, кориха, корюха, корюшка, краснуха, золотуха* и др.). Среди них выделяются существительные с древним корнем *-su-/*-sър-: *вбспа, вбспница, вбспина, вбспинка, вбсыпь, бсыпь, сыпня, сыпуха, сыпушка, сыпь* и др. Все эти названия связаны с глаголом *сыпать* (**suti*, **sypati*)¹² и обнаруживают соответствия в других славянских языках (блр. *сып* ‘сыпь’, болг. *оспа* ‘сыпь’, польск. *ospra* ‘корь’ и др.)¹³ На фоне этих образований обособляются наименования с корнем *-шадр-*: *шадра́, шадри́на, шадри́нка* и др. Судя по данным картотеки «Словаря русских народных говоров», слова с этим корнем употребляются в севернорусских (арх., вят., перм., олон., влгд. и др.) и некоторых среднерусских говорах (яроsl., новг., пск.). В этимологических источниках слова с этим корнем часто рассматриваются как заимствования из тюркских языков (Фасмер, 4: 394), где *шадра* означает ‘рябой, пестрый’. Подобные цветочные параллели обнаруживаются и в других названиях следов оспы: *цвет, пёжина* и др.

В словаре М. К. Герасимова описываются различные манипуляции, направленные против заболеваний с изменениями кож-

¹¹Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 105, 250.

¹²*Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С. 40–41.

¹³*Меркулова В. А.* Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 145–147.

ного покрова: *ношение на шее мишурного ожерелья при золотухе* (СЧГ: 60), *натирается ситом при чесотке* (СЧГ: 61), *обтирание тела росой на улице при чесотке, обводит углём лишай*, чтобы не распространялся, *прокалывать ушные мочки при золотухе* (СЧГ: 74), *присекать огнём при коросте на губах высекать над лицом искры из кремня огнивом* (СЧГ: 74), *перевязывание четверговой ниткой* ‘перевязывать палец при лишаях ниткой, спряденной в Великий Четверг’ (СЧГ: 74) и др.

4. Другую значительную по объёму группу слов составляют наименования болезненных состояний, сопровождающихся жаром и ознобом, различного рода лихорадок: *лихомánка, лихорадка, огневи́ца, огнёва, náпа, тряса́, тряся́, трясе́я, трясу́ха, трясу́чка, трясу́нья, гнету́ха, осену́ха, ве́шница, ворогу́ша, ворогу́ха, умо́ха, кому́ха, кашлю́нья* и др., а также различного рода припадков: *паду́чая, родímeц, родímчик, родímое, своё, клико́та, исполóх, переполо́х, спóлох, óзык, чёрный недúг, смире́нец, смире́нчик, тíхонькой, напу́щенная зýбель* и др. В вологодских источниках в основном встретились производные существительные, внутренняя форма которых отражает симптоматику заболевания (*трясе́я, трясу́ха, ломота́, шат, знобо́та* и др.), время его проявления (*осену́ха, ве́шница*), враждебность по отношению к человеку (*ворогу́ша, ворогу́ха, óзык, чёрный недúг*). Кроме того, встретились существительные с метафорической мотивацией (*огневи́ца, огнёва*) и названия-эвфемизмы (*кумо́ха, кому́ха, родímое, своё, смире́нчик, тíхонькой*). Исследуемые источники содержат описание ряда целительских манипуляций, направленных на лечение лихорадочных состояний и припадков: *вбивание колышка в стенку* ‘способ обрывания болезни: если ребенок страдает нервными припадками (пляска св. Витта), то измеряют ему рост и отмеряют выши́ну на стенка колышком, и как только перерастет отмеченное, то припадки прекратятся’ (СЧГ: 30), *окачивать с камешков* при лихорадке (СЧГ: 65), *питье воды с иконы св. Тихона, просфоровой печати и ласточкиных гнезд* — при родимце, «тихоньком» (СЧГ: 74) и др.

5. В особую группу могут быть сочетания слов, относящиеся к различным заболеваниям брюшной полости: *пуп скрътан* (*сёрван, рассыпался, прирёс к спинё*) (СЧГ: 73). М. К. Герасимов по этому поводу замечает: «Согласно мнению, что человек «на пупу оснван», это основание чаще всего и подвергается заболеваниям» (СЧГ: 73) — и далее перечисляет несколько целительских манипуляций, которые, по суеверным представлениям, позволяют привести пуп в нормальное состояние: «Горшок накидывать на пуп. При болезнях живота горшок приставляется наподобие сухой банки, и живот до того втягивается в горшок, что его не отнять руками, а приходится разбивать; на животе надолго остается темно-багровый круг» (СЧГ: 33). «Завёртывать пуп палкой. При болезнях живота положенную на пуп палочку вращают кругом и этим якобы укрепляют пуп» (СЧГ: 42) и др.

6. В названиях других болезней и болезненных состояний отразились названия пораженного болезнью органа (*горлянка, горлоуша* ‘скралатина, дифтерит’ (СЧГ: 31), *ма́тошник* ‘различные женские болезни’ (СЧГ: 56), *череву́ха, черевёня, церёво, черсу́ха, черсу́ня* ‘понос’ (Дил., 4: 83; СЧГ: 94), причины появления (*холодя́нка* ‘чахотка’ (СЧГ: 92), *порасту́нки* ‘детские недомогания, связанные с ростом’ (СЧГ: 69), *полевой опóр* ‘ревматизм, внезапно появившийся при работе в поле’ (СЧГ: 66), *опáр* ‘опрелости у детей’ (СЧГ: 65), *перелóм* ‘болезнь глаз’ (СЧГ: 67) и др.), время проявления (*полунóчница* ‘бессонница’ (СЧГ: 66), *ме́сячный перелóм* ‘ежемесячные выделения крови из матки женщины’ (СЧГ: 57) и др.), особенности симптоматики (*залóга* ‘задержание мочи’ (СЧГ: 41), *скрипу́н* ‘воспаление сухожилий и суставных сумок на руках и ногах’ (СЧГ: 80) и др.), эвфемистически отрицательная оценка болезни (‘сифилис’: *худáя боль* (СЧГ: 92)). Памятники начала XX века описывают множество манипуляций целителя, направленных против этих болезней: *в пару протиранье* ‘знахарское лечение, растирание больного в бане’ (СЧГ: 30), *вылизывание языком* ‘знахарская манипуляция: доставание инородного тела, например, соринки, из глаз языком’ (СЧГ: 30), *ломать глаз* ‘при глазных болезнях через закрытое веко растирают (массиру-

ют) глазное яблоко' (СЧГ: 54), *метать кровь баночную* 'приставлять кровососущие рожки или банки' (СЧГ: 57), *отворять кровь жильную* 'кровопускание из вен' (СЧГ: 65), *окуривать киноварью и травами* 'при сифилисе', *отдирать кожу от черепа* 'захватывать пальцами клок волос, подтягивать кверху при головной боли' (СЧГ: 65), *прощаться с местом* 'при некоторых болезнях нужно припомнить место, где заболел, и сходить проститься с ним' (СЧГ: 73), *рубить поясницу топором* 'кладут больного на порог дверей и машут топором над обнаженной поясницей с приговорами при ревматизме спины' (СЧГ: 78), *сидеть на парах* 'в кадушку с водой опускают горячие камни, и больной, укрываясь, садится на нее' (СЧГ: 83), *стучать пятками в стену* 'младенца, у которого бессонница, постукивают коленками в пустой хоромине' (СЧГ: 83), *трение поясницей о забор или стенку овина* 'при ревматизме поясничных мышц' (СЧГ: 87) и др.

7. Особую группу составляют названия болезней животных. Это наименования эпидемий (*оскóтье, паде́жина*), болезней лошадей (*вóзгрень, вóзгарь, возгóрь, возгря́* 'мыт, загрязненный насморг у лошадей' (Дил., 1: 48 (об.)), *волоски́* 'болезнь лошадей, когда она долго стоит в грязи или назьму, то в ноги проникают червяки, имеющие вид волоса' (Дил., 1: 50), *почечу́й* 'болезнь ног у лошадей от опоя' (Дил., 3: 77 (об.)), *наёди, насóсы* 'болезни зубов у лошадей' (СЧГ: 61)), коров (*грудни́к* 'болезнь вымени у коров' (Дил., 1: 75), *потéря жва́ки* 'болезнь, вследствие которой коровы теряют способность пережевывать жвачку; при потере жваки у коровы берут кусок хлеба и дают пожевать другой корове, здоровой, и часть этого куса дают есть больной' (Дил., 1: 102)) и домашней птицы (*слепóтка* 'куриная слепота' (СЧГ: 81)). Большинство названий болезней, зафиксированных нашими источниками, относится к лошадям¹⁴. Это свидетельствует об особом вни-

¹⁴Ганцовская Н. С., Красилицык Е. А. Народные названия анимальной медицины как предмет ареальной лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1994. СПб, 1996. С. 114–119.

мании к этим животным в крестьянском хозяйстве, а также о развитии коновальской практики в сфере народной медицины.

Разнообразны в исследуемых говорах названия лиц, оказывающих помощь при лечении болезней. Рядом с новообразованиями, появившимися под влиянием официальной медицины (*дóфтор, дóхтур, дохтурица, фéришал, фершелица, медик, медíчка, вóспенница*), соседствуют традиционные наименования: *ворожéя, ворожбúнья, забáйда, знатóк, знатíха, знáхáрь, знáхáрка, пúхтальница, пухтáрка, шептún* и др. В них нередко маркируется способность совершать различные манипуляции (*бáбка-килúнья* ‘снимает килу’ (Дил., 2: 16), *бáушка пупорéзная* ‘повитуха’ (СЧГ: 23), *костопрáв* ‘деревенский знахарь, помогающий при вывихах’ (СЧГ: 48), *трíха* ‘знахарка, растирающая больных в печах и банях’ (СЧГ: 86) и др.). В исследуемых источниках фиксируются общие наименования целительских способностей (*вещетíнье* (Дил., 1: 42 (об.); СЧГ: 26), *вéще* (СЧГ: 26)) и средств лечения (*зéлье, зéльце* (Дил., 1: 135), *на́добье* (Дил., 2: 77; СВГ, 5: 34)). Источники содержат многочисленные названия лекарственных снадобий: *ветрунóк* ‘нежные лепестки бересты на березе, прикладывают к чирьям’ (СЧГ: 27), *глотúха* ‘ягоды черемухи, используются при болезнях живота’ (СЧГ: 32), *глистянóбе мáсло* ‘добывают из перетопленных в жару земляных червей; втирают при ревматизме’ (СЧГ: 33), *зме́йная травá* ‘ятрышник, листья прикладывают при укусах змей’ (СЧГ: 40), *колóтик* ‘растительная слизь, оседающая в воде на древесных сучьях; употребляется при ломоте’ (СЧГ: 46), *камешкí-брякункí* ‘из породы валунов; употребляются при болезни «озык»’ (СЧГ: 50), *кирпíчное мáсло* ‘толченые кирпичи кипятят на льняном масле; употребляется при ревматизме’ (СЧГ: 50), *мездра́* ‘внутренняя поверхность выделанных шкур; прикладывают к ранам’ (СЧГ: 54), *мокрéц* ‘растение, прикладывают к опухолям — вытягивает жар’ (СЧГ: 56), *марыше́вник, марыше́вое масло* ‘муравьиное масло; втирают при ревматизме’ (СЧГ: 56), *пóрховица* ‘гриб дождевик, употребляется при кровотечении’ (СЧГ: 67) и др. Некоторые из этих средств связаны с древними магическими обрядами, совершаемыми с целью осво-

бодиться от неблагоприятного воздействия злых сил, повлекшего за собой болезнь: *живой огонь* 'во время эпидемий больных перетаскивали через «живой огонь» (СЧГ: 73–74), *мыло мертвячье* 'обмылки, оставшиеся после обмывания покойника; больные лихорадкой моются этим мылом' (СЧГ: 57), *проснимальная сосна* 'сосна, сквозь дупло которой пролезают больные для полного исцеления' (СЧГ: 74) и др.

Исследование лексики и фразеологии народной медицины в ходе диалектологических экспедиций последних лет показало, что в современных вологодских говорах по-прежнему сохраняются многие народные названия болезней и болезненных состояний, реализуются типичные модели описания их симптоматики, а также подробно описываются многие целительские манипуляции. Вместе с тем некоторые из групп названий болезней и болезненных состояний уже значительно меньше по своему лексическому объему (например, названия болезней животных или характеристики способов народного целительства), хотя и в картотеке «Словаря вологодских говоров» и в опросных тетрадах по разделу «Народная медицина» программы «Лексического атласа русских народных говоров» нередко весьма обстоятельные рассказы о причинах заболеваний или способах их лечения:

а) *«Озычали меня бабы. На собранье в Ферапонтново шла, платье надела, что Павлик купил, а бабы вон у Кляшиного дома сидели: Петровна, Некрасиха, да Кляша сама, много. Я не остановилась, некогда было, только поздоровалась, а иду потом, смотрю — и ноги не идут! Чего такое сделалось? Пошла — а всё хуже и хуже. Встала постоять у забора, а тут и Лебедева меня догоняет. — Ты чего, Нюрушка, стойшь-то? — А вся не могу! Она мне и говорит: — Шла, дак видела кого? — А бабы наши попали. — Поди, и Некрасиха была? — Была. — Да тебя, матушка, озычали! Ну, иди да не оборачивайся! Пошла я, а она сзади идет, шепчет, а потом говорит: «Обернись-ко, дева!» — да и прыснула мне водой изо рта. С меня как чего спало, и ноги пошли. А Лебедева мне потом и сказала: «Носи, Нюра, булаавку железную: народу худого*

много, а ты всё на людях — как бы чего не сделалось». Да и я старуха, а булавку с той поры ношу» (Кир. Борб.).

б) «Мне Офёнька, я ещё в школе училась, рассказывал: «Мы у Дюни Плахинской репу таскали, да она услышала, вышла на крыльцо и говорит: «Вот щас кил-от насажаю!» Мы бежать. А утром смотрю — всю щеку разнесло! Да и не знаю, что и делать. Побежал на Плахино, реву: «Баба Дюня, это я вчера репу таскал!» Она посмотрела на меня. «Хорошо, — говорит, — что сказалося. Иди домой, помажь хорошенько, и всё пройдет» (Кир. Борб.).

в) «Волос-от у меня у Колюшки был, да и Лебедева научила: «Ты, говорит, щёлоку надёлай в таз, и пусть сидит, волос-то и выйдет». Я надёдала сама, а, видно, волос-от крепкой, не выходит. Да и снова к ей: «Александра Тимофеевна, волос-от не проходит!» Да и она сама пришла, чего-то пошептала, прошло. А как волос-от убрался, я и не видела: видно, ночью вышел» (Кир. Борб.).

При наличии устойчивых представлений о здоровье и болезни в сознании сельских жителей Русского Севера тем не менее можно сделать вывод о том, что в современном массовом сознании при сохранении традиционной ментальной оппозиции «здоровье — болезнь» происходят значительные изменения в области средств и способов ее вербализации. С целью конкретизации этих изменений нами был проведен анонимный опрос более двухсот пациентов сельских медицинских учреждений в возрасте от 14 до 86 лет. Респонденты отмечают, в первую очередь, внешние проявления болезни (*уставший, невеселый; синяки под глазами; бледный цвет лица, кожи; красные глаза; мешки под глазами*), обращают внимание на психологическое состояние больного человека (*нервный, агрессивный, обиженный, недовольный, не верящий в свои силы, испуганный, замкнутый, теряющий смысл / интерес жизни, вызывающий жалость, одинокий, «белая ворона», скучный, не отдающий себе отчета в своих действиях*). Как функциональные нарушения респонденты отмечают *усталость, сонливость, нежелание работать, плохую работоспособность, «отказ рук, ног, мозгов*». Отмечаются также социальные признаки болез-

ни: пропадает *цель в жизни, невозможность достичь намеченного, жить, как надо*. Более молодые респонденты при характеристике болезни предлагают варианты заболеваний и симптомы, хорошо им известные (простудные заболевания, ОРВИ, умственное переутомление и пр.). Взрослые пациенты имеют в этом отношении более богатый опыт: *боль в спине, в пояснице; остеохондроз; боли в ногах, суставах; ревматизм; кашель; бронхит; боль в желудке, тошнота; язва, гастрит желудка; головокружение, головные боли; артериальная гипертония или гипотония; нервы, усталость, сонливость, вялость, депрессия; одышка, тахикардия, боли в области сердца*, а также называют общее болезненное состояние, которое именуется речевыми формулами «*вся не могу*», «*вся пала*», «*нет живого места, которое не болит*», «*букет болезней*» и др. В качестве причин болезней называется *наследственность, невнимательное отношение к своему здоровью и тяжелые условия труда* (физическая и умственная нагрузка, сквозняки на рабочем месте и пр.). Как видим, богатейший лексико-фразеологический фонд народной медицины уступает место адаптированной обыденным сознанием «околомедицинской» лексики. Вместе с тем речевые реакции опрашиваемых сельских жителей восточных районов Вологодской области свидетельствуют о том, что ментальная оппозиция «здоровье — болезнь» также занимает значительное место в их сознании, сохраняет связь с традиционными представлениями, имеет устойчивые речевые реализации.

Сокращения

- Дил. — *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. 1903 // Словарная картотека ИРЯ РАН. Шифр № 35. 342 л.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда: ВГПУ / ВГПУ, 1983–2007.
- СЧГ — *Герасимов М. К.* Словарь Череповецкого уездного говора. СПб., 1910.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: Т. 1–4. М., 1984–1987.

E. Ilyina. The Concepts of Health and Disease in the Speech of Inhabitants of the Vologda Region

The article deals with the studying of Vologda inhabitants' language picture of the world, in particular, some peculiarities of verbalization of their perceptions of health and disease. The material for the research includes ethnographic and lexicographical works of the beginning of the XXth century (M. K. Gerasimov, P. A. Dilaktorsky, etc.), published volumes and a card index of the *Vologda dialects Dictionary*, containing speech recordings from the 60-ies of the XXth century, answers to questions on the *Folk Medicine* programme of *Lexical atlas of Russian folk dialects*, which were made in the late XXth — early XXIst century, as well as data from interviews of patients in rural health facilities during recent years. As a result, conclusions about the dynamics of perceptions about a healthy and a sick man were made; sustainable indicators of health as one of the basic values in the northern Russian peasant's picture of the world were identified; differences in verbalization of ideas about a disease: about the list of diseases, their causes, means and methods of treatment were revealed.

Keywords: dialectology, Vologda dialects, language picture of the world.